

ЛИТЕРАТУРА

1. Sapir, E. The Status of Linguistics as Science / E. Sapir // Language. – 1929. – Vol. 5, № 4. – P. 207–214.
2. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

Е. Л. Григорьян (Ростов-на-Дону, Россия)

РУССКИЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Термин *языковая картина мира* (ЯКМ) на протяжении последних 25 лет исключительно популярен, что соответствует сегодняшней направленности мировой лингвистики с ее антропоцентризмом, когнитивизмом, интересом к этноспецифичности. Однако за данным термином у разных авторов стоят различные представления, не всегда эксплицируемые. Чаще всего происходит приравнение ЯКМ к духовному миру народа, менталитету, и язык рассматривается как один из источников (наряду с другими) для исследований подобных категорий. Согласно позиции Анны Зализняк, языковая картина мира – удобный конструкт для описания языковой системы, это часть семантики [1]. Заметим, что само название *картина* предполагает целостность, единство, некоторые сквозные организующие начала.

Другой принципиальный вопрос (редко осознаваемый) – какие языковые факты, какой материал показателен для исследования ЯКМ? Многие авторы, похоже, считают, что любой. Согласно более взвешенным подходам, показательным для выявления ЯКМ является не все, что есть в языке, а (1) высокочастотное; (2) глобальное, пронизывающее всю систему (вспомним позицию Б. Л. Уорфа, который считал, что множество названий различных видов снега у народов севера или общее название для снега, льда и инея у индейцев майя в этом плане несущественны, а важно, как организованы фундаментальные семантические категории, такие как пространство, время, количество); (3) повторяющееся, продуктивное, захватывающее и новые единицы, входящие в язык (Анна Зализняк); (4) мировоззренчески значимое – ключевые концепты и т.п.; (5) специфичное, уникальное, отличающее от других [2]. Нетрудно заметить, что первые три пункта взаимосвязаны; последний пункт будет рассмотрен ниже.

Представление о русских безличных конструкциях как о специфической особенности русской грамматики, отражающей самобытное русское мировосприятие, за последние десятилетия получило широкое распространение во многом благодаря работам А. Вежбицкой, посвященным в первую очередь конструкциям с дополнением в творительном падеже, типа *Его убило молнией* или *Его переехало трамваем* [3]. Однако, если не ограничиваться сравнением

с английским языком на его современном этапе и обратиться к более широкому кругу языков и к данным синтаксической типологии, становится очевидным, что такие конструкции полностью соответствуют общим типологическим закономерностям.

Во-первых, это сильная корреляция подлежащего с каузальным значением, в связи с чем незаполненность позиции подлежащего типична для обозначения стихийных (неконтролируемых) ситуаций. Это основное значение безличных конструкций в тех языках, где они есть; этот тип сохраняется и в английском языке, хотя и с чисто формальным подлежащим (которое представляет собой довольно позднее явление в германских языках). Значение загадочной, непостижимой и неподвластной человеку мистической силы, которое Вежбицкая ставит во главу угла, попадает под это общее определение, но не является ни единственным, ни основным значением подобных структур (см. [4]). Значение неконтролируемости является основным для деагентивных конструкций (т.е. конструкций со смещением агентивного элемента с позиции подлежащего), и не только безличных.

Во-вторых, наблюдается закономерная корреляция между синтаксическим статусом и коммуникативным весом актантов. Выбор безличной конструкции часто обусловлен не необходимостью выразить значения стихийности, неконтролируемости, которые во многих случаях сохраняются и в соответствующей личной конструкции (ср. *Лодку унесло течением/Лодку унесло течение*), а коммуникативной структурой высказывания: синтаксические структуры отражают различную фокусировку внимания и определенным образом организуют актанты по их коммуникативному весу. Высокий коммуникативный статус подлежащего и, соответственно, более низкий статус других актантов согласуется с известной в синтаксической типологии иерархией актантов по коммуникативному весу: *подлежащее > прямое дополнение > прочие*. Естественно, что «смещение» подлежащего (устранение соответствующего элемента или сдвиг его в более низкую позицию) автоматически повышает коммуникативный ранг прямого дополнения и/или других актантов – дативных или генитивных (поссесивных). При одушевленности соответствующего актанта, характерной для большинства безличных предложений, проявляется также известная иерархия одушевленности (иначе называемая *topicality hierarchy*): *человек > другие живые существа > силы природы > предметы*.

Кроме того, в подобных структурах прослеживается и другая известная типологическая тенденция – связь прямого дополнения со значением пациентивности (*affectedness*, «страдательности»). В большинстве случаев прямое дополнение (или дативный актант) безличной конструкции не только имеет большую коммуникативную значимость, но также усилено его пациенское, «экспериенцерное», «страдательное» значение. Характерные для безличных конструкций так называемые дативные и поссесивные субъекты типичны для описания перцептивных или иных аффективных ситуаций. Показательно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев.

Таким образом, хотя конкретные безличные структуры, совпадающие с русскими (общевосточнославянскими) конструкциями с квазиагентивным дополнением в творительном падеже, возможно, и не встречаются в других языках (впрочем, нельзя исключать, что такие обнаружатся), русский синтаксис в целом и в том, что касается безличных конструкций, следует определенным универсальным закономерностям, характерным для языков, где есть такая категория, как подлежащее, и в которых возможны диатезные преобразования, т.е. варьирование актантных структур.

Однако данное положение не отменяет оснований для оценки безличных конструкций как значимого элемента русской ЯКМ: существенно, что они продуктивны; распространены также окказиональные употребления подобных структур, что свидетельствует о содержательности данного типа для носителей языка; более того, в русском языке отмечается нарастающая вплоть до настоящего времени экспансия безличных конструкций: на протяжении XX в. все больше глаголов употребляется безлично [3, с. 75].

Следует подчеркнуть, что каждый конкретный язык характеризуется не столько уникальными чертами – в языке может не встретиться вообще ни одной уникалии, в любом случае их не может быть достаточно для определения семантики языка в целом; своеобразие языка заключается в совокупности черт, организующих систему, и наличие сходств с другими языками и даже универсальных компонентов и признаков в различных ЯКМ этому не противоречит.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зализняк, Анна А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки слав. культуры, 2005. – 544 с.
2. *Уорф, Б. Л.* Отношение норм поведения к мышлению и языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1961. – Вып. 1. – С. 135–168.
3. *Вежбицкая, А.* Рус. язык // А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 33–88.
4. *Григорьян, Е. Л.* Безличные предложения и «русский менталитет» / Е. Л. Григорьян // Вопросы филологии. – 2008. – № 2 (29). – С. 11–19.

И. Е. Езан (Санкт-Петербург, Россия)
Л. Н. Неборская (Минск, Беларусь)

ТИПЫ ЭЛИМИНАЦИИ В НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Одной из основных особенностей устной разговорной речи, помимо спонтанности, неподготовленности и ситуативности, является трансформация объема высказывания, под которой понимается расширение или сокра-